

Часть 3.
Места проживания.
Линия Ивана Семеновича Зимина

Глава 4.
Дом Анастасии Ивановны Ананьиной на Большой Алексеевской
улице. Первая семейная квартира ее внука Николая Макаровича Зимина.
1902-1907 годы.

*АДРЕС: МОСКВА,
УЛ. БОЛЬШАЯ АЛЕКСЕЕВСКАЯ, ДОМ 28*

Будучи расчетливой хозяйкой, Анастасия Ивановна Ананьина (1829-24.01.1886)¹ не остановилась на покупке дома в Серебряническом переулке. У нее росло трое детей, и она, не желая, чтобы они перессорились после ее смерти из-за наследства, в конце 1870-х годов приобрела городскую усадьбу в Рогожской части, там, где жили многие ее знакомые – представители старообрядческого купечества. Участок площадью 311 квадратных саженей (в пересчете на современные меры, 1412 квадратных метров, со сторонами примерно 47 на 30 метров) был сквозным, выходящим, как и все дома по четной стороне улицы, на Дурной переулок².

Владение (его современный адрес: улица Большая Алексеевская, дом 28, по старой нумерации №550/522) после смерти матери унаследовали Владимир Иванович Ананьин и Анна Ивановна Зимина, вдова Макария Ивановича Зимина.

Улица Большая Алексеевская, дом 28. Современный вид

Однако Владимир Иванович и Анна Ивановна обладали неуступчивыми характерами и вопреки всем мерам, предпринятым матерью, поссорились из-за наследства. Не сумев уладить конфликт, они судились друг с другом.

Суть дела состояла в следующем. Вскоре после смерти Анастасии Ивановны Владимиру Ивановичу остро понадобились деньги для коммерческих оборотов. Он обратился к сестре, и та дала ему 34 тысячи рублей «процентными бумагами до востребования». При разделе имущества в 1888 году между братом и сестрой, согласно завещанию матери, Анна Ивановна отдала брату старообрядческие книги и иконы. В этот момент при встрече Владимир Иванович отдал ей очередную порцию долга – 1000 рублей под расписку и 500 рублей за просроченный заем.

После этого, как сказано в судебном деле, «брат тянул с отдачей оставшегося на нем долга» в 25 тысяч рублей почти десять лет. Устав ждать, Анна Ивановна подала в суд на возврат долга. Владимир Иванович в суде утверждал, что долг вернул, в доказательство предоставив расписки на 500 и 1000 рублей. Он заявил, что содержащаяся в расписках фраза «сделан окончательный расчет» относится и к сумме в 25 тысяч рублей.

Суд поверил В.И. Ананьину и вынес решение о полном расчете по долгу. Анна Ивановна была возмущена и подала на пересмотр дела, однако Московский окружной суд решением 17 августа 1896 года вновь отказал А.И. Зиминой в получении долга.

Анна Ивановна не остановилась в поисках справедливости и подала апелляцию вновь, теперь уже в Московскую судебную палату. После годичного рассмотрения тяжбы Судебная палата отменила решение Окружного суда и 18 мая 1899 года вынесла решение о взыскании с Владимира Ивановича 25 311 рублей 50 копеек в пользу Анны Ивановны³.

После затяжного конфликта брат с сестрой почти не общались. Что касается домовладения на Большой Алексеевской, то Анастасия Ивановна Ананьина завещала первый этаж дома сыну Владимиру Ивановичу, а второй – дочери Анне Ивановне, по мужу Зиминой. Но Анна Ивановна предпочла остаться в доме в Серебряническом переулке.

Когда же ее сын Николай, который был в хороших отношениях с дядей Владимиром Ивановичем, женился и начал самостоятельную жизнь, то мать предложила ему занять ее половину в доме в Рогожской.

Сын Анны Ивановны, Николай Макарович, поселился в доме на Большой Алексеевской в 1902 году, после женитьбы на Вере Николаевне Гучковой (брак был заключен 15 декабря 1901 года).

Вера Николаевна Гучкова (25.07.1878 – 25.12.1942) происходила из знаменитой текстильной династии Гучковых. Она была прекрасно образована – знала математику, три языка, играла на фортепьяно, увлекалась фотографией, замечательно рисовала (последнее пригодилось ей в тяжелые 1930-е годы, когда для заработка она занималась ретушью художественной фотографии и иллюстраций для издательства, где работала ее дочь Лена).

Вера Николаевна познакомилась с будущим мужем на одном из семейных праздников в доме своей племянницы (которая, впрочем, была старше тётки) Людмилы Викуловны Зиминой, урожденной Морозовой. Серьезный 30-летний инженер, совладелец текстильной фабрики в Крестовоздвиженском Богородского уезда, произвел на 19-летнюю Веру Гучкову – девушку интеллектуальных устремлений – большое впечатление. Но эта встреча могла остаться без последствий, если бы не зоркий глаз Людмилы Викуловны. Она увидела родство душ Николая Зимины и Веры Гучковой и стала настойчиво одновременно приглашать молодых людей на свои вечера. Оказалось, что и сходство судеб влекло Николая и Веру друг к другу. Оба они остались сиротами, потерявшими отцов в раннем возрасте. Оба нуждались в заботе и сочувствии. Через полтора года после первой встречи Николай решился сделать предложение Вере, и она с радостью согласилась стать его женой.

В доме на Большой Алексеевской родились и провели детство дети молодой четы Зиминых: Борис, Александр, Елена.

Квартира Николая Макаровича и Веры Николаевны Зиминых состояла из десяти комнат на первом этаже двухэтажного особняка. Двенадцать окон квартиры выходили на улицу и десять – во двор. На участке находился фруктовый сад, а также устроенная Владимиром Ивановичем оранжерея.

В 1904 году в доме было проведено электрическое освещение. Чтобы осуществить это новаторское и дорогостоящее мероприятие, надо было запрашивать разрешение у московского обер-полицмейстера, генерала-майора Трепова. Когда разрешение было получено, то вечерами дом освещался 73 лампочками накаливания, мощностью 3,5 Ватт каждая⁴.

Боря и Саша Зимины. Фото 1908 года

Появление первых электрических лампочек в быту произвело огромное впечатление. Люди осознавали наступление новой эпохи, а слово «электричество» было символом прогресса и широких горизонтов будущего.

Внедрение электричества в повседневную жизнь в начале XX века. К примеру, народные гулянья во время пасхальных праздников в московском Манеже в 1901 году проводились под девизом: «Царство цветов, растений и электричества». Соответствующим образом было декорировано помещение Манежа: посредине была устроена грандиозная цветочная клумба, по правую и левую сторону от нее – «фантастическая вилла» и беседка, убранные тропическими растениями, цветами и гирляндами. Дорожки разделялись газонами с живой травой и высаженными цветами. Средняя сцена была сделана в виде больших размеров террасы и сада с беседками и цветниками на берегу Средиземного моря. Все декорации были обильно украшены горящими электрическими лампочками⁵.

Писатель Юрий Олеша вспоминал: «Это были не такого типа лампы, какие мы видим теперь – разом зажигающиеся в наивысшей силе света, – а медленно, постепенно достигающие той силы свечения, которая им была положена... Я помню толпы соседей, приходивших к нам из других квартир смотреть, как горит электрическая лампа. [...] Свет, конечно, светил голо, резко, как теперь в какой-нибудь проходной будке. Но это был новый, невиданный свет! Это было то, что называли тогда малознакомым, удивительным, малопонятным словом – электричество!»⁶

---

¹ Преображенское. Вып. 1. М., 2002. С. 109.

² ЦИАМ. Ф. 1679. Оп. 62. Д. 10387. Лл. 1–3.

³ Там же. Ф. 131. Оп. 59. Д. 3831. Лл. 3–5.

⁴ Там же. Ф. 54. Оп. 158. Д. 419. Лл. 1–3.

⁵ Московский листок. 1901. № 93. 4 апреля.

⁶ Олеша Ю. Ни дня без строчки. М., 1965. С. 70.